

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

Выпуск 9

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АМЕРИКАНСКИЕ ИДЕИ И КОНЦЕПЦИИ
В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
УЧЕНЫХ СИБИРИ И ПРЕПОДАВАНИИ
В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ»

Томск, 18–19 октября 2007 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

ОБРАЗ СИБИРИ В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ Г.И. УСПЕНСКОГО «ПОЕЗДКА К ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ»*

Е.А. Макарова

Томский госуниверситет

Тема Сибири уже давно звучала в русской литературе и культуре. Но проблема переселенцев в основном разрабатывается со второй половины XIX в. Достаточно вспомнить исследования С.В. Максимова, И.А. Гурвича, А.А. Кауфмана, Н.М. Ядринцева и других¹. Сибирь, как правило, ассоциировалась в сознании европейца с местом ссылки и каторги; родиной не испорченных европейской цивилизацией народов; малоизвестной и ментально не освоенной русским крестьянином территорией, особенно притягательной в связи со слухами об обилии земель и наличии государственной помощи желающим на ней поселиться; провинцией с активно формирующимся национальным самосознанием.

Действительно, с конца 1880-х – начала 1890-х гг. сибирский регион начинает рассматриваться как многоземельная, активно осваиваемая территория. А при условии проведения в ней либерально-реформаторских преобразований, строительства железной дороги, рациональной организации переселенческого движения, развития образования Сибирь способна превратиться из «страны изгнания» и «царства чиновничьего произвола» в процветающий край.

Вопрос о крестьянах-переселенцах в основе своей был решен в последней четверти XIX в. на основании Закона от 13 июля 1889 г., и звучал он так: «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время». По закону государственные земли в Европейской части России представлялись переселенцам сначала в аренду на 12 лет, а затем в бессрочное пользование. В Тобольской, Томской, Семипалатинской областях крестьяне получали землю сразу в постоянное бессрочное пользование.

---

* Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-04-64-401а/Г.

Тем не менее проект переселения малоземельных крестьян за Урал разрабатывался правительством еще в начале XIX в. Указ 1822 г. «О дозволении крестьянам перебираться на земли сибирских губерний» разрешал переселяться сюда малоземельным крестьянам из Европейской России без правительственного содействия.

Сохранились свидетельства о «вселении» крестьян Витебской губернии в Тобольскую с 1824 г. До Сибири добирались целый год, пользуясь картами; пришедших пешком крестьян называли «самоходами». В рамках реформы управления был принят указ от 8 апреля 1843 г., регламентировавший переселение государственных крестьян европейских губерний за Урал². В целом сущность дореформенной переселенческой политики отражает заявление статс-секретаря А.Н. Куломзина о том, что «до крестьянской реформы 1861 г. переселенческого движения, как явления народной жизни, у нас не существовало». Первые же признаки постепенно нарастающего массового миграционного движения из центральных губерний России на окраины появилось только вскоре после отмены крепостного права, свидетельствуя об усложнении социально-экономической обстановки в центре страны.

Если до реформы в Сибирь направлялись преимущественно государственные крестьяне, то после отмены крепостного права в потоке аграрных мигрантов оказалось и немало прежних частновладельческих крестьян. Среди причин, побудивших крестьян уходить с обжитых мест и отправляться на поиски плодородных земель, были тяжелые последствия неурожая 1867–1868 гг. Непосредственным же толчком к массовым миграциям послужило обнародование в губернской печати циркуляра от 13 апреля 1868 г. «О порядке переселения крестьян на свободные казенные земли». Хотя данным распоряжением не предусматривалось массовое переселение, крестьяне восприняли этот документ как «вызов правительства на переселение»³.

Необычный взгляд на переселенческий вопрос и художественный метод его осмысления интересно пронаблюдать у писателя народнического толка Г.И. Успенского в цикле очерков «Письма с дороги», в дальнейшем переименованных в «Поездку к переселенцам».

Писатель видит счастливые изменения в личности русского мужика в духе своей теории «власти земли», связывая это с определенным строем крестьянской жизни, собственными внутренними возможностями русского крестьянина. Для него эпоха шестидесятых

годов – наиболее «совестливая» в истории России, так как она стала принципиальным рубежом для решения крестьянского вопроса. И этот тезис изначален в его цикле очерков, которые он создавал в процессе своего путешествия по Сибири летом 1888 г.

Восприятие и понимание сибирского пространства становится уже достаточно устойчивым к концу XIX в. Сибирь к этому времени была не только освоена Российской империей геополитически, но и усвоена русской культурой в качестве некоего концепта. На это указывает В.И. Тюпа, говоря о том, что «Сибирь с ее каторгами, пересыльными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании мифологизировалась, стала достоянием «доксы», общепонятным хронотопическим образом некоторого способа присутствия человека в мире»⁴.

На рубеже 1880–1890-х гг. Сибирь начинает вызывать самостоятельный интерес и у народнических публицистов. Появляются многочисленные рецензии на научно-популярные и художественные произведения о регионе, сообщения, касающиеся отдельных аспектов экономической и культурной жизни края. Конкретная биография многих писателей и публицистов, К.М. Станюковича, В.Г. Короленко, С.Я. Елпатьевского и других, тоже связана с Сибирью. Несомненно, что содержание образа региона, существовавшее в индивидуальном сознании того или иного писателя-публициста, писавшего о Сибири, во многом детерминировалось обстоятельствами его пребывания в крае и рефлексией по этому поводу⁵.

Успенский, по сравнению со многими писателями-современниками, проведшими там ссылку, принимает добровольное решение о поездке. Его давно волнует тема о разорванных «концах» русского общества, о разрыве между интеллигенцией и народом. Поэтому, несмотря на предвестия тяжелой душевной болезни и гнетущее настроение, он считает своим долгом посетить этот «гиблый край». Но сама подготовка к путешествию шла достаточно долго и мучительно, о чем свидетельствуют *письма Успенского*.

Впервые тема Сибири прозвучала в них еще летом 1884 г., когда задуманная поездка сорвалась, и писатель, не доехав до Екатеринбурга, возвратился домой. Но, будучи еще в пути, Успенский, в письме к жене выражает желание, чтобы «поездка не была бесплодной». Он понимает, что «надо ехать», но «скучно как-то». И тут же восклицает: «В Нижнем Новгороде какая масса голодного народу!»⁶.

В письме Е.П. Летковой от 16 июня он сообщает, что «наконец уехал в путь. Еду с арестантами и переселенцами» (XIII, 368). Но уже из Казани пишет: «Не нравится мне пока эта еловая сторона!» (XIII, 370). В письме же, написанном из Чудова, от 10 июля, он объясняет ей, почему очутился здесь вместо Сибири. И причиной стала не тоска и скука, которая его так долго сопровождала, а, напротив, важный прорыв, произошедший в сознании.

Письмо это крайне показательно по стилю, нарастающему тону, радости открытия истины, так долго мучившей его. Оно отличается и определенной степенью драматургической составляющей, где есть своя завязка, кульминация и принципиальный итог. «Как-то утром слышу я какой-то отдаленный звук, будто бубенчики звенят, или, как в Ленкорани, караван идет с колокольчиками, далеко-далеко», – неторопливо начинает свое письмо Успенский. «Дальше, больше, – выглянул в окно, гляжу – из-под горы идет серая, бесконечная масса арестантов. Скоро все они поравнялись с моим окном, и я полчаса стоял и смотрел на эту закованную толпу: все знакомые лица, и мужики, и господа, и воры, и политические, и бабы, и все-все наше, из нутра русской земли, – человек не менее 1500, – все это валило в Сибирь из этой России» (XIII, 380). Вот когда у писателя уже начинает формироваться его образ «виноватой» России, к которой он относит и себя. Повествовательный тон сменяется личностной рефлексией автора: «И меня так потянуло вслед за ними, как никогда в жизни не тянуло ни в Париж, ни на Кавказ, ни в какие-то бы то ни было места, где виды хороши, а нравы еще того превосходней. Ведь эти люди – отборный продукт тех русских условий жизни, той путаницы, тоски мертвечины, трусости или отчаянной смелости, среди которых живем мы, не сосланные, томимся, скучаем, мучаемся: все *эти*, от воров до политических, *не выдержали* этой жизни и их тащат на новые места» (курсив – Г.У. XIII, 380).

Продолжая письмо, Успенский фиксирует тот важный момент, когда принципиально чужое пространство Сибири становится теперь его, личным пространством: «И мне *охотой*, а не на цепи захотелось необузданно идти на новые места: мне также не подходит «жить» (а не бороться) с людьми, с которыми приходится много лгать, бесплодно, бесцельно, и изживать русский теперешний век – бесцветно, неинтересно, безвкусно и вообще скучно и неумно» (курсив – Г.У. XIII, 381).

Как отмечалось выше, писателя давно уже волновала тема взаимоотношений между «концами» русского общества, народом и интеллигенцией. В цикле очерков 1880-х гг. «Концов не соберешь», «Грехи тяжкие» он ставит вопрос о виновниках бедствий народа и к их числу относит не только людей, облеченных властью и имеющих административные права, но и представителей русской интеллигенции, уклоняющихся от помощи народу.

Наращение взволнованной интонации в письме связано с пониманием писателем личной вины и ответственности: «Отчего переселяются только мужики, а интеллигенцию тащат на цепи? И нам надо бросать добровольно запутанные, тяжкие, ненужные отношения, хотя бы они были старые, привычные, и искать мест и людей, с которым можно чувствовать себя искренней и сильней. И тут-то вот я и остановился: так много на меня пахнуло нового и светлого, что я совершенно стал забывать мою работу, которую думал делать в дороге, она мне стала казаться ненужной, а, между тем, не работать было нельзя» (XIII, 381).

Как свидетельствовала Е.П. Леткова, Успенский «вернулся из этой, хотя и не удавшейся на первый взгляд поездки бодрый, с широкими планами и решением очень серьезно работать»⁷. В итоге писатель решает устроить свои личные дела и уже в августе уехать в Сибирь до весны.

Тем не менее эта поездка произошла только в мае – августе 1888 г., и здесь мучительность выбора для Успенского оказалась еще более очевидной. Играли роль не только усиливающаяся болезнь и семейные неурядицы, но и определенные стереотипы, сложившиеся в сознании русского европейца.

Хронотопический образ Сибири в русской классической литературе представлял ее всегда страной холода – зимы – ночи. Одновременно Сибирь представляла страной безлюдного и беспредельного пространства. Подобное восприятие проявляется в письме Успенского к В.М. Соболевскому от 17 мая 1888 г.: «Не знаю, куда мне ехать: за границу или в Сибирь к переселенцам и с переселенцами?.. В Сибирь любопытно, – но мрачно, чертова яма, холод, и вообще я поустал от мужика, его бороды, лаптей и вообще всего этого голодного и холодного» (XIV, 131). Развитие душевной болезни обнаруживает в письмах следы явного депрессивного синдрома. «Не знаю, какая это будет поездка. Теперь мне невыносимо скучно», – сообщает он жене (XIV, 137). Настойчиво звучит в письмах к В.А. Гольцеву, В.М. Со-

болевному формула-проклятие «чертова Сибирь» (XIV, 138–139). В письме к С.Н. Кривенко от 21 июня, написанном из Перми, пессимистическая интонация усиливается: «Я устал и ездить и писать и положительно не чувствую от этой маяты ничего кроме утомления. Что делать-то! Хоть перед смертью посмотрю уж заодно, что такое и Сибирь» (XIV, 145).

Но постепенно кризис преодолевается, так как с середины июня 1888 г. он начинает активно писать и пересылать в «Русские ведомости» свои письма-очерки, которые вскоре перерастут в цикл и получают название «*Письма с дороги*», а при дальнейшей переработке – «*Поездка к переселенцам*».

Признанного мастера очерковой формы Г.И. Успенского отличало парадоксальное отношение к жанру. С одной стороны, его характеризует вроде бы абсолютный жанровый индифферентизм, а с другой – внутри своих очерков писатель почти постоянно полемизирует с традиционными жанрами. Называя изначально цикл «*Письма с дороги*», он, прежде всего, лишает главных составляющих сам жанр письма. Отсутствует обращение к конкретному адресату, датировка событий, следы обратной связи, обязательные в переписке. Сменяя же название цикла на «*Поездку к переселенцам*», он уже движется к жанру путевого очерка. Но это, скорее, жанр «путевых записок», «заметок», так как в тексте мы наблюдаем ряд непосредственных путевых впечатлений, включающих бытовые картинки, сопутствующие им экскурсии в историю, рассуждения по поводу увиденного и обобщения на основе этих рассуждений.

На своеобразную обрывочность писаний Успенского указывал еще при жизни писателя Н.К. Михайловский, соотнося это в логической связке с самим характером темы его очерков. Сопоставляя художественную манеру Успенского с «традиционными формами беллетристики», критик особо отметил присущее его произведениям сочетание «содержательности» и краткости, граничащей с «аскетизмом».

Как принципиальное нововведение рассматривал Михайловский умение писателя строить свои очерки и рассказы без «длиннейших описаний природы или внешней обстановки», без «непомерного размазывания психологических тонкостей», без «множества вводных и для хода рассказа совершенно излишних лиц». В итоге Успенский для него – «художник-аскет, отвергнувший всякую роскошь, все, не ведущее прямо к намеченной цели»⁸.

Думается, что дело не только в художественном аскетизме писателя, но и в принципиально ином временном отсчете его путешествия. 80-е гг. XIX в. изменили формы жизни, лишившейся гармонической целостности, внесли изменения в структуру традиционного жанра.

В литературе этого времени происходили поиски новых жанровых образований, которые явились бы преодолением прежней жанровой системы, но и были бы адекватны новой концепции действительности, народа и личности. По наблюдению Г.В. Старостиной, вместо большой повествовательной формы у Успенского («На пространстве трех-четырёх томов...»), – иронизирует он по этому поводу) путешествие вызывает к жизни лишь «путевые заметки», «структурным стержнем которых является личность путешественника, проникающего в факты открывающейся действительности, отбирающего их и выявляющего в них насущность российского бытия» (курсив мой. – Е.М.)⁹. Как видим, для творческой манеры Успенского свойственна определенная синкретичность. С одной стороны, его сюжет изначально проблемный, и поездка к русским переселенцам задает саму семантику текста, названия. Интересуясь конкретными фактами и реальными событиями, писатель делает сознательную установку на документальность. С другой стороны, мы наблюдаем наращение привычных для жанра путешествия мотивов случайных встреч, дороги, воды, переправы. Наблюдаем, как «злоба дня» сменяется «мечтаниями» героя.

Важно, как в своих письмах, а затем и очерках Успенский не только подробно прописывает свой маршрут, но и фиксирует внимание на средствах передвижения: «Не знаю только, ехать ли водой до Томска, или же до Омска водой, а оттуда сухим путем в Ургу. Скучно уж очень плыть на пароходах». И дальше: «Ехать ли мне до Тюмени и в Бийск или же в Омск пароходом, а от Омска на лошадях, либо в Тюмень опять, либо к Уди» (XIV, 145). В итоге в цикле очерков мы увидим, что путешественник использует все наличные транспортные средства: пароходом он добирается до Казани, до Перми и до Томска (по Оби), по Уральской горнозаводской дороге до Екатеринбургa и Тюмени, пешком до жилищ переселенцев. И это не только стремление писателя скрупулезно зафиксировать событие, что является яркой приметой его метода, но и попытка создать объемный, панорамный образ Сибири. Как видим, специфика путевого очерка Успенского заключается в том, что его герой путешествует по пространству не вымышленному, а реально существующему,

«его интересуют факты, четко очерченные проблемой, идеология как бы “строит” сюжет»¹⁰.

Письма и очерки Успенского создаются в тот период времени, когда переселенческий вопрос достигает невиданной остроты, что привлекает внимание не только прессы и общественности, но и писателей, историков, статистиков. Важную роль в понимании проблемы сыграла работа И.А. Гурвича «Переселения крестьян в Сибирь» (1889), во многом уже известная русскому читателю по публикациям в «Восточном обозрении».

Исследователь задается вопросом, почему именно в последние годы переселенческое движение получило такой массовый характер? Он рассматривает причины, заставляющие переселенцев покидать родные края и искать счастья в новых местах, описывает ход переселения. Его интересует и то, откуда европейские крестьяне черпают сведения о новых землях. Оказывается, главным источником являются письма переселенцев, в дальнейшем опубликованные и Успенским.

Гурвич подчеркивает, что тяга в Сибирь чрезвычайно развилась в русском крестьянстве к началу 1880-х гг., и основной поток переселенцев оседал к этому времени в основном на юге Томской губернии, преимущественно в Алтайском горном округе. Переходя же на язык цифр, он указывает, что «за 33 года – с 1846 по 1879 гг. – в Тобольскую губернию переселилось 43 753 человека, в Томскую – с 1852 по 1879 гг. – 35 000, всего же 78 753 человека». В 1881 г. в Сибирь проследовало «около 36 000 человек, в 1889 году – около 38 000, всего же за два года 74 000 человек, то есть почти столько, сколько за предыдущее тридцатилетие!»¹¹. И темп переселения с годами возрастает.

Интересуют автора исследования и мотивы, по которым снимается с насиженного места крестьянин и трогается в такой далекий, опасный путь. Он подчеркивает несомненный момент стихийного, бессознательного начала в поведении массы: «В настоящее время крестьянин бежит в Сибирь без оглядки, не задумываясь о будущем, без всяких средств, без определенных представлений о новой стране, с единою верою в то, что так будет лучше, или хуже не будет»¹².

Тем принципиальнее представляется взгляд Успенского, попытавшегося изучить проблему изнутри. Эстетика «живых цифр» тоже будет характерна для метода писателя, кропотливо собирающего на местах статистико-экономические данные и широко использующего их. Но делает он это уже в целях художественного анализа действительности, открывая сквозь реальную призму глубинную сущность, подоснову факта.

С одной стороны, Сибирь предстанет для него краем неизведанных возможностей, областью, где можно жить «по-старине», то есть «самым живым, справедливым, божеским образом», о чем он напишет в своем очерке о А.П. Щапове. С другой стороны, побывав на самих местах переселений, писатель будет потрясен открывшейся перед ним картиной бедственного состояния переселенцев и чудовищных злоупотреблений местных властей и столичных чиновников.

Не случайно цикл очерков «Письма с дороги» откроется самостоятельным этюдом о «виноватой» России, каковой стала для Успенского Сибирь. И это уже для него вина общая, которая не должна дать человеку покоя: «Но чем дальше шел пароход, тем менее оставалось у меня надежды на какое-либо самое малейшее успокоение. С каждым поворотом винта я приближался к таинственной стране, в которую задумал было поехать, к той виноватой России, которую называют “Сибирь”, – и, разумеется, мысль об этой “виноватой” России была вовсе не такая мысль, которая бы способна была радовать и веселить...» (XI, 22).

Преодолевая Сибирь душевно, топографически, физически, Успенский преодолевает и ту «тоску-печаль», которая так долго его сопровождала. Его письма редактору «Русских ведомостей» А.С. Посникову становятся все более энергичными, ударными по мысли. Он понимает теперь важность и смысл задуманного, поэтому с радостью сообщает, что прийдет сразу много материала. И «много, ужасно много важного. Чего стоит *крестьянин, не знавший крепостного права*. Вот тут-то меня и продирает мороз по коже. Уж истребил, сукин сын, леса до того, что неурожай стали хроническими. Жрет такой хлеб, что собака не тронет. Все это я должен знать подлинно – и зря не напишу» (курсив – Г.У. XIV, 147).

Особенно удачным оказалось его пребывание в Томске, где он увиделся с рядом политссыльных, писателем Н.И. Наумовым, принял участие в празднованиях по случаю открытия Томского университета. «Сибирская газета» сообщала в номере от 9 июня за 1888 г. об его предстоящем приезде: «Наш знакомый писатель Глеб Иванович Успенский будет в это лето путешествовать по Сибири и с одним из следующих пароходов прибудет в Томск. Как говорят, Глеб Иванович едет с целью ознакомления с переселенческим движением»¹³. Писатель принял участие в работе редакционного коллектива газеты, а 22 июля, в № 55, в ней был напечатан его очерк «А.П. Щапов», написанный в память выдающегося ученого и уроженца Сибири.

Успенский ознакомился с переселенческой станцией в Томске, побывал у новоселов, собрал обильный цифровой и фактический материал и уже 28 июля на лошадях отправился обратно в Тюмень, через Колывань, Каинск, Омск и Тюкалинск.

В письме Н.И. Наумову от 30 июля, написанном из Омска, он просит прислать ему материал по «*домашним семейным делам сибирских крестьян*», прислать несколько сцен-анекдотов, где бы была видна гордость сибирского мужика» (курсив – Г.У.). И в итоге восклицает: «Забрала меня Сибирь за живое!» Но тут же сетует: «Запоздал я в Россию, шибко запоздал!» (XIV, 153–154). Там его ждала не только родина, друзья, семья, но и рабочий стол, на котором можно будет разложить всю эту грудку бумаг, статических сведений, отрывочных записей, чтобы теперь уже целостно и аналитически начать создавать тот образ, ту концепцию Сибири, которая навсегда закрепится в русской литературе и культуре за именем Глеба Ивановича Успенского.

---

¹ См.: Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур. СПб., 1864; *Он же*. Год на Севере. СПб., 1864; *Он же*. Сибирь и каторга. СПб., 1871; Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888; Кауфман А.А. О причинах и вероятной будущности русских переселений. М., 1898; Ядринцев Н.М. Десятилетие переселенческого дела // Вестник Европы. 1891. № 8. С. 790–827.

² См.: Захарова Н.В. Крестьянские переселения в Сибирь в I-й половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. 5-е научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. 6–7 октября 2005 г. Барнаул. 2005. С. 7.

³ Там же. С. 8.

⁴ Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской культуры // Сибир. филол. журнал. 2002. № 1. С. 27.

⁵ См. об этом: Родигина Н.Н. Социальные конфликты как составляющая образа Сибири на страницах общественно-политического журнала «Русское богатство» // Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX в.: Сб. науч. тр. Омск. 2004. С. 54.

⁶ Успенский Г.И. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: АН СССР, 1952–1954. Т. XIII. С. 367. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁷ Звенья. 1935. № 5. С. 726.

⁸ Михайловский Н.К. Г.И. Успенский // Михайловский Н.К. Соч. СПб., 1897. Т. 5. С. 82, 114.

⁹ Старостина Г.В. О продуктивности изучения структуры межжанровых образований (На материале очерка Г.И. Успенского «Волей-неволей») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филол. 1999. № 1. С. 60.

---

¹⁰ *Шипилова Н.А.* Очеркистика Гл. Успенского и Н. Лескова (К проблеме функционирования жанра) // Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы. Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию К.Д. Муратовой. Орел, 2004. С. 162.

¹¹ *Гурвич И.А.* Переселения крестьян в Сибирь. М., 1889. С. 6.

¹² Там же. С. 89.

¹³ Сибирская газета. 1888. 9 июля, № 43. С. 5.

THE IMAGE OF SIBERIA IN THE CYCLE OF ESSAYS BY G.I. USPENSKIY «THE TRIP TO RESETTLERS»

E.A. Makarova
Tomsk State University

This article is devoted to the problem of Russian resettlement to Siberia, which became especially important in the post-reform Russia in the second half of the 19th century. The cycle of essays belonged to G.I. Uspenskij, «The trip to the resettlers», appeared to be the creative comprehension of the problem of Russian resettlers in literature. The writer created this work during his traveling through Siberia in the end of the 1880's. In these essays the situation of Russian-Siberian frontier is observed, author is overcoming the definite geographic, inner and inventive boundaries.